

начального икта, отвечая зеркальной симметрией на два первых икта предыдущего полустушия.

Этот стих занимает узловое место в содержании всего произведения. Всем предыдущим текстом любопытствующий читатель подготовлен к идее, что поэт, отвергший рабство во имя человечности, посвятит себя прокладке новых путей туда, где дотоле не было и следа какой-либо дороги, и что за ним последуют смельчаки, возбужденные, по отзыву Екаторины, «редкой смелостью» «Путешествия из Петербурга в Москву» и одой «Вольности», «совершенно и явно бунтовскою»; пойдут, не останавливаясь перед суровой действительностью, которая страшит чувствительные сердца. Однако заключительный стих кладет конец путеводным иллюзиям отрывистым оповещением: «В острог Илимский еду». Заключительная строка выделяется своей краткостью (одно обособленное полустушие) и крутой акцентной рельефностью: среди всех остальных лишь это полустушие составляет три слова; в нем одном все три икта осуществлены ударениями многосложных слов, и эти слова образуют своего рода ритмический палиндром (перевертень): $\cup\text{---}|\cup\text{---}\cup\text{---}|\text{---}\cup$. Подобно следу народной загадки — «Еду, еду, следу нету» — энигматичен центральный образ семистушия — *где не бывало следу*, — двузначный намек на дорогу в вожделенное будущее и в Илимский острог, пролагаемую недавним «путешественником из Петербурга в Москву».

Искусная разверстка морфологических категорий и их синтаксических функций чужда — Г. А. Гуковский справедлив в своем лаконичном комментарии¹ — какой бы то ни было орнаментальности; целеустремленная грамматическая фактура несет и скрепляет тематику семистрочного «Ответа». Все его начало, кончая предпоследним слогом второй строки, применяет одни лишь прономинальные формы (*ты, кто, я, что, я, я, я, тот, весь, мой, куда*) вместо существительных, прилагательных и наречий, а сверх того пять глагольных связок (*был, буду* и три нулевые формы). Иными словами, характеристика участников и их проявлений исчерпывается чисто грамматическими, функциональными, соотносительными значениями. Первое лицо, герой трех вопросов вступительного стиха (*кто я, что я, куда я*) утверждает в тройном сказуемом следующей строки свое неизменное тождество в настоящем, прошлом и будущем. Каждый из этих двух стихов отличается от дальнейших четырех тем, что на все шесть иктов падают словесные ударения. Но в восьми из двенадцати случаев икт несет односложное слово, и значимость ударений здесь существенно ниже по сравнению с разноместными, перму-

¹ Г. А. Гуковский. Радищев и его стихотворения. — В кн.: А. Н. Радищев, Полное собрание стихотворений, изд. «Советский писатель», 1940 («Библиотека поэта», большая серия), стр. 18.